

Р. Р. Гильминтинов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ПРОСТРАНСТВА: ПРОБЛЕМАТИКА РЕНТЫ И РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В СССР В 1930–1950-е гг.*

doi: 10.30759/1728-9718-2022-2(75)-59-68

УДК 330.8:94(47)“1930/1950”

ББК 63.3(2)6+65.02(2)6

В данной статье анализируется разработка теории ренты в советской науке в 1930–1950-е гг. как концептуальной основы сформировавшейся позднее экономики природопользования. В тексте предпринимается попытка ответить на вопрос, почему после оживленных дискуссий периода НЭПа данная проблематика почти на пятнадцать лет полностью исчезла со страниц экономических журналов и из программ научных мероприятий. Предлагаемый ответ подразумевает фокус на идеологеме конца истории — утопической идее о том, что развитие планового хозяйства само по себе решает все экономические и социальные проблемы в стране и, в том числе, уничтожает все формы рентных отношений. Возвращение проблематики ренты в позднесталинский период связывается с формированием политической экономии социализма, дисциплины, направленной на преодоление утопического характера и антинаучности идеологемы конца истории. В исследовании в деталях разбирается ключевая для разработки теории ренты статья И. Д. Лаптева «Колхозные доходы и дифференциальная рента» (1944). Итогом работы стал вывод о том, что возвращение ренты в советскую политическую экономию сталинского периода сопровождалось ее нормализацией: если в 1920-е гг. рента воспринималась как порочное наследие капитализма, нарушавшее такой ключевой принцип социализма, как распределение по труду, то для И. Д. Лаптева она была «даровым благом природы», которое можно только приветствовать.

Ключевые слова: *рента, сталинизм, политическая экономия социализма*

Одной из наименее изученных сторон экологической истории СССР является происхождение системы экономических идей, на которых было основано советское природопользование. Какое хозяйственное значение имеют истощение ресурсов и загрязнение окружающей среды? Сколько стоит скрытый под землей уголь или чистый воздух в городе? Как стимулировать бережное отношение производителей и потребителей к природе? В рамках неоклассической экономики предполагается, что рынок дает оптимальные ответы на все эти вопросы. Окружающая среда и ресурсы — это блага, на стоимость которых оказывает определяющее влияние их ограниченность. Деградация среды приводит к снижению «предложения» природных благ, и они ценятся тем выше, чем труднее удовлетворить на них спрос. Растущая цена сама по

себе заставляет потребителей относиться к природным благам более разумно.¹ Марксистская политэкономия, в свою очередь, предполагает, что стоимость того или иного блага определяется не спросом и предложением, а количеством затраченного на его производство общественного труда. Природные ресурсы и окружающая среда в этой схеме оказываются плохо различимыми: не будучи плодами человеческого труда, они ничего не стоят и остаются внешними по отношению к сфере экономики. Их ценность не может быть измерена и отражена в ценах, которые поощряли бы бережливое отношение и наказывали за расточительность.²

Несмотря на эту предполагаемую «слепоту» марксизма и трудовой теории стоимости, начиная с 1960-х гг., советские экономисты

*Гильминтинов Роман Радиевич — к.и.н., с.н.с. Школы исследований общества и окружающей среды (Антропосколы), Тюменский государственный университет (г. Тюмень); докторант факультета истории, Университет Дьюка (Дарем, США)
E-mail: roman.gilmintinov@duke.edu*

* Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири» (рук. — М. Бассин)

¹ Конечно, это упрощенная схема, которая оставляет за скобками, например, проблемы управления ресурсами общего доступа: общественными лесами, парками, водой, используемой для ирригации, популяцией рыбы в Мировом океане и т. п. Рынок плохо справляется с регулированием доступа к такого типа ресурсам и не может сам по себе установить оптимальный уровень их эксплуатации. См. классическую работу Г. Хардина: Hardin G. The Tragedy of the Commons // Science. New Series. 1968. Vol. 162, № 3859. P. 1243–1248.

² Э. Шумахер критиковал именно эту «непростительную ошибку» Маркса, который не смог распознать ценность «природного капитала». См.: Шумахер Э. Малое прекрасно: экономика, в которой люди имеют значение. М., 2012. С. 31.

все чаще пишут о проблемах природопользования и занимаются их практическим решением. Например, Научно-исследовательский институт по ценообразованию (НИИ Цен) при Госкомцен с самого своего основания в 1967 г. стал одним из ключевых экспертных центров, в котором разрабатывалась экономическая сторона «рационализации природопользования» — советской экологической программы 1960–1980-х гг. Сотрудники института работали над предложениями по стимулированию эффективного использования ресурсов в разных отраслях и регионах, методическими рекомендациями для введения платного природопользования, предлагали проекты ставок штрафов за загрязнение воздуха, воды и почв.³

Исследуя эти материалы, невозможно не заметить, что важнейшей теоретической рамкой, позволявшей сотрудникам НИИ Цен формулировать различные практические предложения, была категория земельной и горной ренты. Для рентабельности предприятий первичного сектора — сельского хозяйства и добывающих отраслей — природные факторы и пространственная неравномерность всегда были определяющими. Разрабатывая богатые и удобно расположенные месторождения, предприятия получали сверхприбыли. Но такие месторождения быстро истощались, и в хозяйственный оборот вводились все более бедные ресурсы. Как писал первый директор НИИ Цен Ю. В. Яковец, природные данные превращались из «удешевляющих» в «удорожающие» факторы производства.⁴ Именно исследования дифференциальной ренты позволили советским экономистам проанализировать проблему убывающей отдачи природных факторов производства и поставить вопрос о необходимости охраны окружающей среды и рационального использования ресурсов.

Однако проблематика ренты в советской экономической мысли корнями уходила в дискуссии 1920–1950-х гг. и была значительно шире, чем вопросы природопользования, актуализировавшиеся лишь в позднем СССР. Рента была нетрудовым доходом, в котором воплощалась естественная неоднородность пространства, но воспринималась она прежде всего как социальная проблема, нарушавшая

рациональную организацию плановой экономики и справедливое распределение доходов между трудящимися. Чтобы понять, в чем заключалась уникальность советской программы «рационализации природопользования» в 1960–1980-е гг., важно проследить дискуссии, из которых она выросла. В фокусе этой статьи — развитие теории земельной ренты в рамках советской экономической мысли сталинского периода.⁵

В 1929 г. известный советский экономист К. В. Островитянов утверждал, что в сельском хозяйстве СССР покончено со всеми формами ренты.⁶ Спустя четверть века главный вузовский учебник политической экономии, вышедший под редакцией того же К. В. Островитянова и других видных советских экономистов, утверждал обратное: расположенные в сравнительно более благоприятных природных условиях колхозы получают дополнительный чистый доход, который по большей части остается в распоряжении колхозов и принимает форму дифференциальной ренты.⁷ Другими словами, некоторым колхозникам просто повезло обрабатывать более плодородную землю и получать дополнительные прибыли, а социалистическое государство не намерено предпринимать какие-либо действия, чтобы перераспределить этот нетрудовой доход в пользу тех, кому повезло меньше. Авторы учебника, который подытоживал развитие всей советской экономической науки в сталинский период, по сути, признавали поражение социалистического планирования, а ведь еще в конце 1920-х казалось, что ему по плечу справиться даже с экономической несправедливостью, рождаемой самой природой и неоднородностью пространства.

Что заставило советских экономистов так радикально пересмотреть свое видение проблемы ренты в социалистической экономике? Цель данной статьи — предложить ответ на этот вопрос. В ней я прослеживаю историю официальной советской экономической мысли с конца 1920-х до середины 1950-х гг., которая в этот период прошла путь от полного отрицания науки политической экономии как капиталистического пережитка до формирования особой

³ См. планы научно-исследовательских работ НИИ Цен на 1968–1975 гг.: РГАЭ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 13, 23, 53, 54, 68, 83, 123.

⁴ Яковец Ю. В., Гумеров Р. М. Природный фактор и плановое ценообразование. Проект главы научного труда «Теоретические основы планового ценообразования» // РГАЭ. Ф. 381. Оп. 3. Д. 45. Л. 4–13.

⁵ О дискуссиях о ренте в период НЭПа см.: Гильминтинов Р. Р. Политическая экономия пространства: крестьянский вопрос и проблематика ренты в СССР в 1920-е гг. // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер.: История. 2021. № 74. С. 41–49.

⁶ См.: Островитянов К. В. К вопросу о земельной ренте в советском хозяйстве. М.; Л., 1929. С. 67, 78.

⁷ См.: Политическая экономия / Островитянов К. В. [и др.]. М., 1954. С. 494–496.

дисциплины, изучающей специфически плановое хозяйство — политической экономии социализма. Анализируя это перерождение политической экономии в сталинском Советском Союзе, я помещаю проблематику ренты в широкий контекст марксистской философии истории. Я показываю, что ранний сталинский антинаучный подход был проявлением радикальной идеологии конца истории, согласно которой само по себе планирование уничтожало все формы экономической неэффективности, неравенства и несправедливости, унаследованные Советским Союзом от прошлого, включая ренту. Политическая экономия социализма, в свою очередь, воплощала в себе более консервативное видение советской плановой экономики как инструмента постепенного построения справедливого общества. В то время как идеология конца истории провозглашала приход коммунизма здесь и сейчас, политическая экономия социализма прокладывала к нему дорогу.

Сталинская «революция сверху» стала тяжелым ударом для советской науки. Относительная свобода дискуссий, свойственная 1920-м гг., сменилась жестким контролем и репрессиями, которые продолжались вплоть до первой половины 1950-х гг.⁸ Политическая экономия не стала исключением. Непосредственная связь экономической дисциплины с практическими задачами народного хозяйства поставила экономистов под перекрестный огонь. С одной стороны, они, как и другие ученые, пострадали от жестоких чисток, вызванных стремлением И. В. Сталина ко всеохватному идеологическому контролю в науке. С другой — колебания «линии партии» в области экономической политики ударили по экономистам-практикам, занятым в Госплане, ВСНХ, Центральном статистическом управлении, Госбанке, наркоматах. Репрессированные в ходе процесса «Союзного бюро меньшевиков» в 1931 г. В. Г. Громан, А. М. Гинзбург и В. А. Базаров играли важнейшую роль в разработке системы экономического планирования; А. В. Чайнов, Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Литошенко и множество других ярких экономистов, осужденных в разное время по делу Трудовой крестьянской партии, занимались разработкой прикладных проблем аграрной экономики; «Ленинградское дело», один из последних спазмов сталинизма, стоило жизни

председателю Госплана талантливому экономисту Н. А. Вознесенскому.⁹

Однако по-настоящему уникальной чертой развития советской политической экономии в 1930-е гг. стала постановка вопроса о необходимости этой дисциплины как таковой при социализме. Как отмечает П. Сутела, представление о том, что вместе с капитализмом должна уйти в историю и политическая экономия как отдельная дисциплина, было общим местом в марксистской мысли конца XIX — первых десятилетий XX в. Об этом писали Р. Гильфердинг, Р. Люксембург, Н. И. Бухарин, А. А. Богданов и А. Ф. Кон.¹⁰ Так, Н. И. Бухарин в «Экономике переходного периода» (1920) утверждал, что политическая экономия представляет собой «исторически ограниченную дисциплину», необходимую для анализа фетишизированного капиталистического общества, а при социализме необходимость в ней отпадет: «В самом деле, лишь только мы возьмем организованное общественное хозяйство, как исчезают все основные “проблемы” политической экономии: проблемы ценности, цены, прибыли и проч. Здесь “отношения между людьми” не выражаются в “отношениях между вещами”, и общественное хозяйство регулируется не слепыми силами рынка и конкуренции, а сознательно проводимым планом. Поэтому здесь может быть известная система описания, с одной стороны, система норм — с другой. Но тут не будет места науке, изучающей “слепые законы рынка”, ибо не будет самого рынка. Таким образом, конец капиталистически-товарного общества будет концом и политической экономии».¹¹

Н. И. Бухарин, таким образом, предполагал, что политическая экономия нужна лишь там, где сущность и видимость расходятся вследствие глубоких противоречий между классами. Социалистическая революция уничтожает эти противоречия и открывает дорогу для планирования, которое, в свою очередь, превращает экономистов в «инженеров хозяйственной

⁸ См.: Репрессированная наука. Л., 1991. Вып. 1; 1994. Вып. 2.

⁹ См.: Чайнов В. А., Петриков А. В. А. В. Чайнов в следствии ОГПУ по делу Трудовой крестьянской партии (1930–1932 гг.) // Сельский мир. Альманах. М., 1998. Вып. 2. С. 4–146; Ефимкин А. П. Дважды реабилитированные: Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Юровский. М., 1991; Ясный Н. Х. Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М., 2012; Белых А. А., Мау В. А. «Безответственный критик в пределах цензурных возможностей» // Базаров В. А. Избранные произведения. М., 2014. Т. 1. С. 77.

¹⁰ См.: Sutela P. Socialism, planning and optimality: a study in Soviet economic thought. Helsinki, 1984. P. 49.

¹¹ Бухарин Н. И. Экономика переходного периода. М., 1920. Ч. 1. С. 7, 8.

политики», занятых техническими вопросами эффективного распределения ресурсов.

Положение о техническом характере экономического знания, однако, оставалось лишь гипотезой относительно далекого будущего вплоть до начала кампании сплошной коллективизации и индустриализации. В ходе дискуссий вокруг проекта первого пятилетнего плана, развернувшихся во второй половине 1920-х гг., ключевым вопросом стало соотношение между генетическим и телеологическим подходами. Первый из них ставил в центр анализ стихийных экономических процессов и прогнозирование на этой основе, а второй предполагал централизованное распределение инвестиций и выработку четких директивных показателей для отраслей и отдельных предприятий. До определенного момента необходимость сочетания обоих подходов в практике планирования признавалась большинством экономистов.¹² Однако неудачи экономической политики периода НЭПа все больше связывались именно с генетикой. Амбициозные планы директивного планирования наткнулись на непреодолимую преграду в виде негосударственного сельскохозяйственного сектора, в котором царил «хаос рынка». Эти генетические ограничения экономики рыночного социализма могли быть решены только политическими методами: массовая насильственная коллективизация сделала возможным то, чего никогда не смог бы достичь ориентированный на равновесие НЭП.¹³ Результатом победы телеологического подхода к планированию в рамках сталинской «революции сверху» среди прочего стало изменение роли экономического знания. Для телеологов составление плана было работой инженерной или административной, а не научно-исследовательской. Как отмечает В. А. Мау, ««предсказания» должны были уступить место «заданиям» и «предуказаниям», а проблема планирования из поиска экономического оптимума превращалась в особый вид инженерного искусства, который не являлся наукой в строгом смысле этого слова».¹⁴

Лучше всего эту мысль об отмирании науки в социалистической плановой экономике сформулировал С. Г. Струмилин, один из ведущих экономистов Госплана, статистик и руко-

водитель работ по разработке системы материальных балансов: «Наука, в общепринятом до сих пор смысле этого слова, ставит перед собой только познавательные задачи. Она стремится только *познать* мир, приемля его таким, каким он есть, был и будет. Это *пассивное* восприятие мира. А хозяйственный план — это, прежде всего, программа действий. Он формулирует и концентрирует коллективную волю трудящихся вокруг известных задач. Он «предвидит» *не то, что будет, а то, что может и должно случиться при известном напряжении воли хозяйствующего коллектива*. И он дает директиву к соответствующим действиям. Плановое искусство не приемлет сущего мира. Оно ставит перед собой задачу не познания, а пересоздания этого мира. Оно *активно* создает свой *новый мир*. Это *творческое* отображение мира (курсив в источнике — Р. Г.)».¹⁵

Можно предположить, что С. Г. Струмилин в этих своих рассуждениях вдохновлялся знаменитым одиннадцатым тезисом К. Маркса о Фейербахе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его».¹⁶ При этом С. Г. Струмилин идет еще дальше К. Маркса и утверждает, что новые цели меняют и самих исследователей. Беря на себя задачу изменить мир, экономисты из ученых превращаются в художников, а их дисциплина из науки превращается в искусство.

В свете вышеизложенного неудивительно, что проблематика ренты при социализме не обсуждалась в советской печати с 1929 г. вплоть до самого 1944 г. Если движущей силой «искусства» планирования была лишь воля хозяйствующего субъекта (советского государства и партии большевиков), то рента, как часть объективной и независимой от этого субъекта реальности, растворялась сама собой. Как писал К. В. Островитянов в своей книге «К вопросу о земельной ренте в советском хозяйстве» (1929), которая положила конец дискуссиям периода НЭПа, при коммунизме не будет ни абсолютной, ни дифференциальной ренты, а «труд, сбереженный благодаря большому плодородию на одном участке, будет идти для улучшения обработки менее плодородного участка».¹⁷ Но сколько именно труда было сбережено благодаря благоприятным

¹² См.: Мау В. А. Реформы и догмы, 1914–1929: Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М., 1993. С. 193.

¹³ См.: Там же. С. 209.

¹⁴ Там же. С. 195.

¹⁵ Струмилин С. Г. Проблемы планирования в СССР. Л., 1932. С. 17.

¹⁶ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1955. Т. 3. С. 4.

¹⁷ Островитянов К. В. Указ. соч. С. 79.

природным условиям и какой объем капиталов должен быть в связи с этим перенаправлен в пользу менее удачливых хозяйств? Пока в центре хозяйственной политики лежала идеология конца истории с ее всемогущим планом, советская наука не могла поставить этот вопрос, который станет ключевым для дискуссий о ренте в 1960-е гг. и заставит советских специалистов задуматься о роли природных факторов в развитии экономики.

Ключевой проблемой сталинской технологии власти, основанной на отрицании политической экономии как таковой, был ее полный отрыв от реальной хозяйственной жизни страны: вопреки громким заявлениям К. В. Островитянова, С. Г. Струмилина и других, в ней царил хаос. В своей знаковой книге «Сталинское планирование экономического роста в 1933–1952 гг.», опубликованной в 1980 г., известный экономист Э. Залески приходит к выводу, что сложившаяся в это время в СССР хозяйственную систему будет правильнее назвать *управляемой из центра* (centrally managed), а не *плановой* (centrally planned) экономикой.¹⁸ Противопоставляя эти формы экономической организации, Э. Залески убедительно доказывает, что при И. В. Сталине существование «централизованного общегосударственного плана, согласованного и идеального, разделенного и претворенного в жизнь на всех уровнях, — не более чем миф».¹⁹ На деле всесоюзные, республиканские и местные, пятилетние, годовые и квартальные планы противоречили друг другу, формировались слишком поздно и не были достаточно детализированными. Однако, по мнению Э. Залески, это не означает, что система не работала: «эффемерное» планирование сосуществовало с сильным ведомственным управлением экономическими процессами. Подкрепляемые жестокими репрессиями, прочные иерархические линии спускались от И. В. Сталина к министерствам, а через них — к отдельным предприятиям и цехам. Направление развития экономики определяли не план или точные расчеты, а ситуативные решения партийной и советской номенклатуры, зачастую слабообразованной и не имевшей в распоряжении достоверных данных.

Идеология конца истории была лишь мифом, который создавал глубокий разрыв между декларируемой и фактической эффек-

тивностью планового хозяйства, между декларируемым благополучием и фактически ужасными лишениями советского народа. Реальность советской экономики была еще слишком далека от идеалов рациональной, справедливой и бесконфликтной организации хозяйства. На смену экономике конца истории приходила более консервативная система идей — политическая экономия социализма, которая концептуализировала советское планирование как переходную систему, и философия истории, обращенная в будущее.

Как пишут О. И. Ананьин и Д. В. Мельник, политическая экономия социализма была многослойным «авторитетным дискурсом», который принимал различные формы в разные периоды советской истории, будь то поздний сталинизм, хрущевская оттепель или брежневский развитой социализм. В ней, однако, сохранялось неизменное ядро, состоявшее из четырех основных элементов: «1) путь от капитализма к коммунизму должен включать в себя “переходный период” к социализму, а затем переход от социализма к настоящему коммунизму; 2) социализм отличается от капитализма заменой частной собственности и рыночной анархии на общественную собственность и плановую экономику; 3) политическим режимом первого переходного периода должна быть диктатура пролетариата; 4) социализм отличается от коммунизма принципом распределения доходов: по труду при социализме и по потребностям при коммунизме».²⁰

Термин «политическая экономия социализма» был предложен еще в 1931 г. Н. А. Вознесенским. Он писал о том, что опыт строительства коммунизма в СССР имел трансисторическое и глобальное значение. Этот опыт должен быть подвергнут внимательному анализу и обобщен, чтобы стать основой теории построения коммунизма. Предметом политической экономии социализма становились «производственные отношения социализма в их возникновении и развитии. Отправляясь от опыта строительства социализма в СССР, политическая экономия социализма должна и может показать некоторые основные черты социалистической экономики, которые будут повторены во всех странах».²¹

¹⁸ См.: Zaleski E. Stalinist planning for economic growth, 1933–1952. Chapel Hill, 1980. P. 484.

¹⁹ Там же.

²⁰ Ananyin O., Melnik D. 'Commodity Sui Generis': The Discourses of Soviet Political Economy of Socialism // History of Political Economy. 2019. Vol. 51, iss. S1. P. 77.

²¹ Вознесенский Н. А. К вопросу об экономике социализма // Большевик. 1931. № 23–24. С. 35.

Исследование социалистической экономики было совсем не простой задачей в репрессивной атмосфере сталинского Советского Союза. С одной стороны, любое отклонение от колеблющейся официальной линии партии в интерпретации экономической политики могло стоить ученым свободы и жизни. С другой стороны, как это ни парадоксально, советским экономистам не доставало авторитетных четко установленных категорий, на которые они могли бы опереться. К. Маркс в основном занимался критикой капитализма и лишь изредка упоминал о будущем посткапиталистическом обществе, которое он называл свободной ассоциацией.²² Размышляя над «Капиталом» К. Маркса, советские экономисты могли лишь узнать, чем социализм не был. Поэтому неудивительно, что, хотя политическая экономия социализма и вошла в учебные планы экономических факультетов всего Советского Союза в 1933 г., она еще долго оставалась слабо развитой отраслью дисциплины и подменялась упрощенными схемами, лежавшими в основе идеологии конца истории. Как отмечал экономист Б. О. Борилин, подавляющая часть всех экономических программ и учебников была посвящена капиталистическому способу производства и лишь вскользь затрагивала законы развития социалистической экономики.²³

В 1936 г. ЦК большевистской партии принял постановление о разработке комплексной программы для вузовского курса политической экономии, в которой были бы обобщены основные черты социалистической экономики. Руководителями авторской группы были назначены К. В. Островитянов и Л. А. Леонтьев. Первые черновики учебника были готовы уже к 1938 г., однако И. В. Сталин, который очень внимательно следил за работой группы экономистов, оказался крайне недоволен результатом. Работа над текстом, обсуждения и дискуссии продолжались еще много лет, и учебник был издан лишь в 1954 г., уже после смерти И. В. Сталина.²⁴

Подготовка учебника политической экономии позволила снова поднять вопрос о на-

личии ренты в социалистическом сельском хозяйстве. В 1944 г. в журнале «Большевик», главном теоретическом органе партии, вышла статья И. Д. Лаптева «Колхозные доходы и дифференциальная рента». И. Д. Лаптев был действительным членом Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук, а также входил в авторский коллектив учебника политической экономии.

В своей статье И. Д. Лаптев опирается на стандартную марксову типологию, которая включает абсолютную и два типа дифференциальной ренты. Различные условия труда в колхозах делают производительность труда неодинаковой. С одной стороны, производительность зависит от объемов капиталовложений в производство: хозяйства с высоким уровнем механизации и использующие систематически химические удобрения будут получать дополнительные доходы (дифференциальная рента II). С другой стороны, важную роль играют естественные факторы, такие как климат и плодородие почвы, близость к рынкам сбыта и путям сообщения (дифференциальная рента I). Таким образом, формируется неодинаковая индивидуальная стоимость производства: на черноземных почвах, например, количество совокупных трудодней, необходимых для производства центнера пшеницы, будет значительно меньше, чем на подзолистых. Сельскохозяйственная продукция реализуется, однако, по одинаковым для всех индивидуальных производителей ценам, будь то ставки «сдачи-продажи» государству или цены на колхозных рынках. Эти цены (в теории) отражали общественную стоимость производства, определяемую по затратам труда в хозяйствах, находящихся в самых неблагоприятных условиях.²⁵ Те колхозы, которые за счет дополнительных капиталовложений или естественных преимуществ затрачивали на производство сельскохозяйственной продукции меньше ресурсов, получали дополнительные доходы, которые «превращались в дифференциальную ренту, выступающую в натуральной и денежной форме.

²⁵ Нужно отметить, что в СССР все же действовали зональные закупочные цены, обусловленные спецификой природно-экономических условий сельскохозяйственного производства, дифференцированы по зонам были также ставки натуральной оплаты работы машинно-тракторных станций. Эти меры до определенной степени позволяли изъять излишки дифференциальной ренты. Но, как отмечали впоследствии советские экономисты, эта дифференциация была лишь формальной, а в условиях катастрофически заниженных закупочных цен на сельскохозяйственные продукты в целом она вообще переставала иметь хоть какое-то значение. См.: Современная практика ценообразования. М., 1965. С. 115.

²² См.: Lange O. The political economy of socialism // Science & Society. 1959. Vol. 23, № 1. P. 1–15.

²³ См.: Борилин Б. О. О предмете политической экономии социализма и ее преподавания // Большевик. 1937. № 1. С. 33.

²⁴ См.: Pollock E. Stalin and the Soviet Science Wars. Princeton, 2008. P. 168–211; Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: Документы и материалы. М., 2017. С. 189–446.

Дифференциальная рента колхозов в натуральной форме является частью прибавочного продукта колхозников, наиболее продуктивно использующих землю или работающих на лучших участках земли. В стоимостном отношении дифференциальная рента есть разница между стоимостью сельскохозяйственных продуктов колхоза, производимых в лучших экономических и естественных условиях, и общественной стоимостью этих продуктов».²⁶

Наиболее примечательной чертой статьи И. Д. Лаптева был, однако, не способ постановки проблематики дифференциальной ренты, а интерпретация ее последствий для социалистической экономики и общественной жизни в целом. Согласно базовому определению, все формы ренты — это нетрудовой доход, который можно получить просто по факту владения или использования земельного или финансового капитала. Эта несправедливость в распределении общественного богатства, которую порождала рента, активно обсуждалась в 1920-е гг.: экономисты, с одной стороны, писали о том, как трудно искоренить ренту в хозяйственных отношениях Советской России, а с другой — предлагали различные механизмы ее изъятия и перераспределения.²⁷ Так же критичны по отношению к ренте были и экономисты 1950–1980-х гг.²⁸ И. Д. Лаптев, в свою очередь, признавая наличие дифференциальной ренты в социалистической экономике, отказывался ее критиковать и полностью оставлял за скобками социальную и политическую сторону проблематики. В его схеме у ренты была только положительная сторона: она рассматривалась как бонус, «даровое благо природы», которое колхозники и государство получали без дополнительных вложений труда: «Дифференциальная рента... используется на расширенное социалистическое воспроизводство общественного хозяйства, улучшение материального уровня жизни колхозного крестьянства, а частью поступает в распоряжение государства и направляется на развитие индустрии, усиление технического вооружения сельского хозяйства, укрепление обороны страны, на культурное строительство. Из источника обогащения класса землевладельцев дифференциальная рента обратилась в источник укрепления экономиче-

ской мощи советского государства и расцвета зажиточной и культурной жизни колхозного крестьянства».²⁹

Ту же некритичную линию И. Д. Лаптев развивал в своем анализе функционирования дифференциальной ренты II в советском сельском хозяйстве. Так, он писал, что неравномерность производительности той или иной земли зависит не только от природных факторов, но и от объема капиталовложений в нее: «Все более и более решающим фактором в различном уровне урожайности становилось не природное плодородие почвы, а плодородие, достигаемое путем использования новейшей техники, данных передовой науки, путем всемерной интенсификации хозяйства. Возрастающие доходы колхозов стали получаться преимущественно за счет повышения производительности добавочных вложений средств производства и труда на одну и ту же земельную площадь».³⁰ Обратите внимание: в этом отрывке не говорится о том, что государство может и должно с помощью капиталовложений нейтрализовать дифференциальную ренту I (неравенство доходов, связанное с различной естественной плодородностью земель и расположением относительно путей сообщения и пунктов сбыта сельскохозяйственной продукции). Наоборот, И. Д. Лаптев всячески приветствовал изменения, которые были внесены в политику заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов в 1940 г. До этого момента обязательная «налоговая» часть поставок колхозов государству исчислялась с плана посева и поголовья скота, который определялся для колхозов индивидуально. Введенная в 1940 г. погектарная система, в свою очередь, имела в качестве основной единицы обложения гектар пашни. Предполагалось, что новая система будет стимулировать повышение урожайности и увеличение поголовья скота, потому что вся продукция сверх фиксированного налога на гектар оставалась в распоряжении колхоза. Это позволяло «передовым» колхозам благодаря более высокой фондовооруженности получать дополнительные натуральные и денежные доходы. Но как погектарная система помогала бедным колхозам? И. Д. Лаптев вообще не ставит такого вопроса в своем анализе. Неравенство в распределении доходов среди колхозов рассматривается как объективная реальность.

²⁶ Лаптев И. Д. Колхозные доходы и дифференциальная рента // Большевик. 1944. № 16. С. 13.

²⁷ См.: Гильминтинов Р. Р. Указ. соч. С. 41–49.

²⁸ См. материалы двух крупных дискуссий: Земельная рента в социалистическом сельском хозяйстве: сб. статей. М., 1959; Реформа, цена, хозрасчет в горной промышленности. Л., 1968.

²⁹ Лаптев И. Д. Указ. соч. С. 15.

³⁰ Там же. С. 17.

Важнейшей особенностью возрожденного в статье И. Д. Лаптева дискурса о ренте в социалистическом хозяйстве стало полное снятие вопроса об абсолютной ренте. Напомним, что в марксовой политической экономии понятие абсолютной земельной ренты связывается с низким органическим строением капитала в аграрном секторе. Частная собственность на ограниченные ресурсы плодородной земли ограничивала конкуренцию в сельском хозяйстве и не давала рыночным механизмам стимулировать механизацию производства. Согласно идеям Маркса, сформулированным в третьем томе «Капитала», низкая фондоемкость и преобладание живого труда, в свою очередь, позволяли сельским капиталистам получать более высокие по сравнению с промышленностью прибыли, буквально выжимая прибавочную стоимость из крестьян. Понятие абсолютной ренты было одним из важнейших сюжетов в дискуссиях 1920-х гг. о путях развития сельского хозяйства и взаимоотношениях между городом и деревней при социализме. В учебнике политической экономии 1954 г., в свою очередь, вопрос абсолютной ренты вообще не затрагивался, а статья И. Д. Лаптева уделяла ему всего два коротких абзаца в самом начале. В них автор лишь указывал на то, что социалистическая революция в России уничтожила частную собственность на землю, а с ней и непроизводительный класс помещиков-землевладельцев, которые могли бы затребовать за пользование землей арендную плату или выкуп; абсолютной ренты в советском сельском хозяйстве нет и не было даже в период НЭПа.³¹ И. Д. Лаптев полностью оставляет в стороне обсуждение достаточно сложного механизма формирования абсолютной ренты и сводит эту проблематику к наличию формальных институтов.

Можно предположить, что причиной, по которой проблематика абсолютной ренты так и не вернулась в советский экономический дискурс, явились глубокие изменения в социальной и экономической структуре самого советского общества, порожденные коллективизацией и индустриализацией. В период НЭПа аргумент об экономическом могуществе деревни не казался столь контринтуитивным. Сельскохозяйственный рынок действительно

восстанавливался после войны и революции быстрее промышленности, и голодающий город смотрел на «крестьянское море» с завистью и подозрением. Понятие абсолютной ренты становилось одним из способов продемонстрировать подъем рыночных отношений в нэповской деревне и объяснить ее «несговорчивость» и относительную экономическую независимость от города, находившегося под контролем большевиков. Жестокая коллективизация позволила большевикам переломить ситуацию и резко изменить баланс сил: теперь колхозы продавали государству свою продукцию по чрезвычайно заниженным ценам и не имели возможности «придержать» свою продукцию, если их не устраивали условия.

В данной статье мы не ставим перед собой задачу использовать понятие абсолютной ренты для разрешения вопросов экономической истории Советского Союза. В центре данной работы — интеллектуальная история этой и других смежных категорий. Однако в самом общем приближении можно предположить, что коллективизация не уничтожила, а наоборот, позволила государству в полной мере реализовать ту дополнительную прибыль, которую при должном внеэкономическом нажиме из села можно было выжать благодаря низкой фондоемкости и которую К. Маркс называл абсолютной рентой.

Подводя итог, заметим, что в сталинский период дифференциальная рента стала частью аналитического языка политической экономии социализма и была концептуализирована как неотъемлемая черта переходного режима между капитализмом и коммунизмом. Этот процесс, однако, сопровождался «нормализацией» рентных отношений: они перестали восприниматься как нетрудовой доход, нарушающий ключевой для социализма принцип распределения по труду — глубоко реакционный сталинский режим никогда всерьез не пытался реализовать его на практике. Лишь при Н. С. Хрущеве государство предприняло осторожную попытку переопределения социального контракта с трудом, что потребовало отделить производительность труда от производительности природных ресурсов и сделало возможным глубокий анализ рентных отношений при социализме.

³¹ См.: Лаптев И. Д. Указ. соч. С. 9.

Roman R. Gilmintinov

Candidate of Historical Sciences, Tyumen State University (Russia, Tyumen); Duke University (USA, Durham)

E-mail: roman.gilmintinov@duke.edu

POLITICAL ECONOMY OF SPACE: THE PROBLEM OF RENT AND
THE DEVELOPMENT OF THE USSR'S ECONOMIC THOUGHT IN THE 1930–1950s

The article analyzes the development of the rent theory in the Soviet Union in the 1930–1950s which would later become a conceptual basis for the environmental economics in the USSR. Its primary goal is to answer the question of why, after heated debates of the NEP era, the issue of rent completely disappeared from the academic discourse for almost fifteen years. The answer I offer is based on the analysis of the end of history ideologue — the utopian idea that the development of planning by itself solves all economic and social problems in the country, including all forms of rent. The return of the rent problem back in the economic discourse in the late Stalin period should be understood in the context of the emergent political economy of socialism, a discipline aimed at the overcoming the utopian and antiscientific nature of the end of history ideology. This research also analyzes in a great detail the key article for the development of the rent theory in that period — I. D. Laptev's "The collective farms' revenue and differential rent" (1944). The result of the work is the conclusion that the reemergence of the rent theory in the Soviet economic discourse of the Stalin period was accompanied by its normalization — whereas in the 1920s, rent was understood as a heritage of capitalism violating such a key principle of socialism as the distribution according to labor, for I. D. Laptev, it was nothing but a "gift of nature".

Keywords: *rent, Stalinism, political economy of socialism*

REFERENCES

- Ananyin O., Melnik D. "Commodity Sui Generis": The Discourses of Soviet Political Economy of Socialism. *History of Political Economy*, 2019, vol. 51, iss. S1, pp. 75–99. DOI: 10.1215/00182702-7903240 (in English).
- Belykh A. A., Mau V. A. ["An irresponsible critic within the limits of censorship"]. *Bazarov V. A. Izbrannyye proizvedeniya* [Bazarov V. A. Selected works]. Moscow: Delo Publ., 2014, vol. 1, pp. 13–89. (in Russ.).
- Borilin B. O. [On the subject of the political economy of socialism and its teaching]. *Bol'shevik* [Bolshevik], 1937, no. 1, pp. 22–37. (in Russ.).
- Bukharin N. I. *Ekonomika perekhodnogo perioda* [Economics of the transition period]. Moscow: Gosizd Publ., 1920, part 1. (in Russ.).
- Chayanov V. A., Petrikov A. V. [A. V. Chayanov in the investigation of the OGPU in the case of the Labor Peasant Party (1930–1932)]. *Sel'skiy mir. Al'manakh* [Rural world. Almanac]. Moscow: Obshchestvo "Entsiklopediya rossiyskikh dereven" Publ., 1998, iss. 2, pp. 4–146. (in Russ.).
- Efimkin A. P. *Dvazhdy reabilitirovannyye: N. D. Kondrat'yev, L. N. Yurovskiy* [Twice rehabilitated: N. D. Kondratiev, L. N. Yurovsky]. Moscow: Finansy i statistika Publ., 1991. (in Russ.).
- Gilmintinov R. R. [Political economy of space: the peasant question and the problem of rent in the USSR in the 1920s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History], 2021, no. 74, pp. 41–49. DOI: 10.17223/19988613/74/5 (in Russ.).
- Hardin G. The Tragedy of the Commons. *Science*, New Series, 1968, vol. 162, no. 3859, pp. 1243–1248. (in English).
- Lange O. The Political Economy of Socialism. *Science & Society*, 1959, vol. 23, no. 1, pp. 1–15. (in English).
- Laptev I. D. [The collective farms' revenue and differential rent]. *Bol'shevik* [Bolshevik], 1944, no. 16, pp. 8–22. (in Russ.).
- Mau V. A. *Reformy i dogmy, 1914–1929: Ocherki istorii stanovleniya khozyaystvennoy sistemy sovetskogo totalitarizma* [Reforms and dogmas, 1914–1929: Essays on the history of the formation of the economic system of Soviet totalitarianism]. Moscow: Delo Publ., 1993. (in Russ.).
- Ostrovityanov K. V. *K voprosu o zemel'noy rente v sovetskom khozyaystve* [On the question of land rent in the Soviet economy]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo Publ., 1929. (in Russ.).
- Ostrovityanov K. V., Shepilov D. T., Leontiev L. A. et al. *Politicheskaya ekonomiya* [Political economy]. Moscow: gos. izd-vo politicheskoy literatury Publ., 1954. (in Russ.).

Pollock E. *Stalin and the Soviet Science Wars*. Princeton, N. J.; Woodstock: Princeton University Press, 2008. (in English).

Reforma, tsena, khozraschet v gornoy promyshlennosti: Materialy nauch. konf. [Reform, price, cost accounting in the mining industry: Proceedings of a sci. conf.]. Leningrad: B. i., 1968. (in Russ.).

Repressirovannaya nauka [Repressed science]. Leningrad: Nauka Publ., 1991, iss. 1. (in Russ.).

Repressirovannaya nauka [Repressed science]. Leningrad: Nauka Publ., 1994, iss. 2. (in Russ.).

Schumacher E. *Maloye prekrasno: ekonomika, v kotoroy lyudi imeyut znachenije* [Small is beautiful: economics as if people mattered]. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2012. (in Russ.).

Sovremennaya praktika tsenoobrazovaniya [Modern practice of pricing]. Moscow: Ekonomika Publ., 1965. (in Russ.).

Strumilin S. G. *Problemy planirovaniya v SSSR* [Problems of planning in the USSR]. Leningrad: Akad. nauk SSSR Publ., 1932. (in Russ.).

Sutela P. *Socialism, planning and optimality: a study in Soviet economic thought*. Helsinki: Finnish Soc. of Sciences and Letters, 1984. (in English).

Voznesensky N. A. [To the question of the economy of socialism]. *Bol'shevik* [Bolshevik], 1931, no. 23–24, pp. 33–54. (in Russ.).

Yasnyy N. Kh. *Sovetskiye ekonomisty 1920-kh godov. Dolg pamyati* [Soviet economists of the 1920s. The debt of memory]. Moscow: Delo Publ., 2012. (in Russ.).

Zaleski E. *Stalinist planning for economic growth, 1933–1952*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1980. (in English).

Zemel'naya renta v sotsialisticheskoy se'skom khozyaystve: Sb. statey [Land rent in socialist agriculture: Collection of articles]. Moscow: Gosplanizdat Publ., 1959. (in Russ.).

Для цитирования: Гильминтинов Р. Р. Политическая экономия пространства: проблематика ренты и развитие экономической мысли в СССР в 1930–1950-е гг. // Уральский исторический вестник. 2022. № 2 (75). С. 59–68. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-2(75)-59-68.

For citation: Gilmintinov R. R. Political economy of space: the problem of rent and the development of the USSR's economic thought in the 1930–1950s // Ural Historical Journal, 2022, no. 2 (75), pp. 59–68. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-2(75)-59-68.